

О происхождении кыргызской профессиональной прозы и исследования М. Ауэзова о казахском народном творчестве Акматов Б. М.

*Акматов Болотбек Мекенович / Akmatov Bolotbek Mekenovich - кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой,
кафедра кыргызской литературы,
Бишкекский гуманитарный университет имени К. Карасаева, г. Бишкек, Кыргызская Республика*

Аннотация: *в статье речь идет о происхождении кыргызской письменной профессиональной прозы, о том, что произведения кыргызской прозы появились еще до знакомства кыргызов с русским литературным творчеством, о необходимости проведения исследований и уточнений в этом вопросе, так как некоторые произведения, являясь образцами для письменного творчества, реально отражая настоящую жизнь, потеряли свою значимость и были отнесены к жанру сказок устного народного творчества.*

Впервые об отличительных особенностях таких созданий фольклора заметил великий казахский ученый М. Ауэзов, проводя научные исследования устного народного творчества казахов, обратив особое внимание на произведения, позднее названные им «Эртегилер».

Конечно, между эпохой жизни ученого и современностью много особенностей и отличий, но актуальным научным исследованиям необходимы дополнения, уточнения тех сентенций, которые были высказаны М. Ауэзовым.

Учитывая то, что таким произведениям не дана соответствующая оценка как предпосылкам истоков создания настоящей профессиональной прозы, подчеркивается необходимость активного исследования в данном направлении, обращая пристальное внимание на свойства и качества, которые отделяют их от сказок, мифов и других прозаических произведений устного народного творчества.

Ключевые слова: *проза, кыргызская литература, фольклорное произведение, национальная проза, народная сказка, жанр, письменная литература, мифологическое произведение, поэзия.*

Когда речь идет о происхождении кыргызской письменной профессиональной прозы, почти все кыргызские литературоведы привычно связывают ее с появлением первых образцов русской литературы. На первый взгляд, такая точка зрения выглядит бесспорной, полностью подтвержденной, но если вспомнить, что произведения кыргызской прозы появились еще до знакомства кыргызами русского творчества, то очевидна необходимость исследований и уточнений в этом вопросе. Действительно, если взять прозаические произведения октябрьского дореволюционного периода, отличие их в том, что они целиком и полностью были отнесены к устному народному творчеству, и те произведения, которые отражали реальную жизнь, были образцами письменного творчества, потеряли свою значимость и растворились в потоке фольклорного творчества. Нельзя не признать и тот факт, что несмотря на распределение кыргызскими учеными, исследовавшими кыргызский фольклор по разным жанрам, ими не придавалось значения отличиям и особенностям кыргызской национальной прозы, вследствие чего многие произведения, которые являются образцами реалистических отражений настоящей жизни, остались неисследованными до конца и стали рассматриваться как народные сказки. Самое интересное, среди таких произведений можно обнаружить и такие, которые существуя и развиваясь устно, отличались от произведений устного народного творчества по своей жанровой природе и фольклорной эстетике.

Действительно, как бы ученые не относили данные произведения по общим литературно-теоретическим критериям к прозаическим произведениям устного народного творчества, нельзя не признать и то, что многими свойствами они разительно отличаются от них. Поэтому возникает острая необходимость активного исследования в данном направлении, обращая пристальное внимание на свойства и качества, которые отделяют их от сказок, мифов и других прозаических произведений устного народного творчества, учитывая то, что им не дана соответствующая оценка как предпосылкам истоков создания настоящей профессиональной письменной прозы. Например, В. Кожин, обращаясь к происхождению прозы и поэзии, подытоживая свои соображения по возникновению литературных истоков, высказывает свое предположение о том, что все философские, научно-публицистические, информационные и ораторские произведения нестихотворной формы, кроме художественных произведений, созданных письменно, назывались прозой [3, с. 283].

Здесь хочется обратить внимание на то, что если существует мышление, присущее только письменному творчеству, и если проза основана на ней, то можно заметить, что она создается, опираясь на особые свойства художественного изображения реальной жизни. Значит, нельзя отрицать и того, что как и у всех народов, данное мышление оказало прямое влияние на происхождение кыргызского прозаического творчества. Но как возникла такая точка зрения, как и какими путями происходило это

творчество вызывает отдельный интерес, требующий специального исследования. К спорным вопросам относится мнение о том, что до октябрьской революции все без исключения кыргызы были безграмотными. Поэтому, прежде чем говорить о происхождении прозаических произведений, необходимо уточнить эту точку зрения и определить его ошибочность.

Для решения этого вопроса необходимо в первую очередь снова проанализировать художественно-теоретические точки зрения, существующие до сих пор и показать концептуальные недостатки таких взглядов, так как при исследовании кыргызской литературы вопросы обычно рассматриваются с точки зрения советской эпохи, другими словами, до сих пор преобладают предположения, что кыргызы сплошь были безграмотными и все литературное наследие является фольклорным. Здесь не учитываются такие факторы, как существование связей кыргызов с другими народами, взаимовлияние кыргызской и родственных с ней литератур, формирование письменной литературы на основе фольклорного творчества, получение знаний из письменной литературы той эпохи. Как и все другие родственные народы, кыргызы в древние и средние века полнокровно используя все достижения культуры Средней Азии и даже всей Азии в целом, внесли в свое время немаловажный вклад в ее развитие, и хочется подчеркнуть, что в данном направлении должны проводиться более подробные исследования.

Хотя каждая высказанная поверхностно мысль в данной статье требует глубокого исследования, нужно отметить, что устные произведения, отличающиеся от настоящих фольклорных, названных В. Кожинным «прозой» существовали у кыргызов с древнейших времен. Впервые об отличительных особенностях таких произведений от фольклорного творчества заметил великий казахский ученый М. Ауэзов. Проводя научные исследования устного народного творчества казахов, он обратил особое внимание на произведения, позднее названные им «Эртегилер». Его заинтересовали свойства произведений, которые резко отличались от фольклорных, точнее, несмотря на то, что эти произведения рассматриваются в устном народном творчестве, «эртегилер», особо отмеченные М. Ауэзовым, «это событийный художественный рассказ, переданный народным нестихотворным слогом, изображающий хозяйствование и рассматривающий общественную жизнь в связи с историей, являющийся прозаическим художественным произведением» [1, с. 213]. Вот здесь можно заметить то, что «эртегилер» в отличие от фольклорных произведений, при изображении жизни не опираются ни на какие мифологические мотивы, а как настоящие профессиональные произведения основываются на повседневной правде жизни. Значит, в соответствии с точками зрения М. Ауэзова и В. Кожина, нетрудно заметить, что между особенной прозой устного народного творчества и профессиональными произведениями есть общие свойства.

Несмотря на растворение таких произведений в океаническом объеме устного народного творчества и рассмотрение их в общем порядке, их особенности были замечены не только в данных исследованиях. Если обратиться к литературно-теоретическим размышлениям, идущим еще с древности, большинство из них акцентировали свое внимание на поэзии, не придавая значения видовым и жанровым особенностям прозы, что требует рассмотрения ее по особым критериям. Например, недаром А. Н. Веселовский свою «Историческую поэтику», Г. Н. Плеханов «Письма без адреса», К. Бюхер «Труд и ритм» начинали с поэзии, да еще и с трудов стихотворений. Объяснить это можно тем, что прозаические произведения рассматривались по отдельному направлению.

Среди современных исследователей родственного тюркского фольклора стали появляться ученые, обратившие внимание на необходимость отдельного рассмотрения прозы, считающейся до сих пор устным народным фольклорным творчеством. Например, казахский ученый С. Каскабасов вновь проанализировав казахский фольклор, особо отметил формы произведений прозаического характера, прямо основанные на мифологическом мышлении [3]. Хотя здесь ученый и не классифицирует прозу и не указывает причины их происхождения, труды С. Каскабасова ценны тем, что он смог показать отличия произведений устного народного творчества от мифических. Если мы сможем отделить народную прозу от мифа, как указано в исследованиях ученых М. Ауэзова и С. Каскабасова, тогда невозможно будет отрицать то, что на возникновение настоящей кыргызской профессиональной письменной прозы оказали влияние те произведения дооктябрьского дореволюционного периода, которые отражали события, основанные на реальных злободневных социальных явлениях. Также необходимо отодвинуть на другой план мысль об излишнем влиянии русской литературы на этот процесс. Это не умаление значения русской литературы, а всего лишь показ ее роли, которая была слишком возвеличена. Потому что какое бы произведение не было создано, оно не появляется из ничего на пустом месте, а формируется в сознании талантливых людей, обретает определенную форму и только после этого появляется характерное творчество, о чем свидетельствуют великие художественно-эстетические творения, появившиеся на свет в XX веке. Во-первых, если рассмотреть этот вопрос более подробно, то в начале появления первой профессиональной кыргызской прозы, молодые писатели обращались не к первым появившимся образцам русской литературы, а скорее, к рассказам, которые казались жанром устного народного творчества, и даже к иносказательному устному фельетону, который оставался в забвении в 20-е годы прошлого столетия. Во-вторых, если кыргызская проза была создана под влиянием русской литературы, то она влилась бы в готовую форму русской литературы, не

переживая столь трудный и долгий путь становления, не предлагая на испытание временем разные жанры. Происхождение в кыргызской литературе профессиональной прозы, до сих пор требующей каких-либо уточнений на определенном уровне или неполное соответствие почти всех первых прозаических произведений образцам профессиональной письменной литературы и своему назначению, очевидно требует подробного анализа мнений и взглядов.

Для правильной оценки жанровой природы прозы 20-х годов XX столетия в первую очередь нам предстоит еще раз правильно осмыслить обстановку и ситуации, историко-социальное положение, создавшие предпосылки для появления произведений того времени, литературным нормам, подпитывающим литературу, которые оказали прямое влияние на формирование мировоззрения молодых писателей. Конечно, акцентируя на литературно-эстетических производных каждого ученого, высказанных до настоящего времени, напрямую зависящих от ситуаций, литературного процесса, творческого мышления того времени, нам необходимо провести еще раз анализ с высоты литературно-теоретической мысли. По-моему, здесь в первую очередь должно быть понимание рациональности и определение весомости мысли каждого ученого. Хотя мы здесь упоминаем только некоторых из них, все они по-разному выделяли причины появления таких произведений в устном народном творчестве, особенности их мышления, отношения к реальной жизни, историческую адресность, и вообще их отличительные свойства от фольклора. Нас интересует не место эртегилер в истории, а свойства мышления, отличающие в какой-то мере их от фольклора. С другой стороны, все дело обстоит в том, что этими произведениями, отмеченными М. Ауэзовым, коренным образом отличающимися от народных сказок, мифов или легенд своим историческим или реалистическим мировоззрением, руководствовалась кыргызская проза начала XX века (такое встречается и у казахов – Б.А.). Значит, можно утверждать, что формирование художественного мышления, а затем и художественного творчества кыргызской письменной профессиональной прозы происходило не под влиянием русской литературы, и тем более не от фольклора, природа художественного мышления которого резко отличается, а через такие национальные произведения, которые были названы М. Ауэзовым «эртегилер». Оттого, что этому не придавалось значения, народные прозаические произведения, которые отражают реальные жизненные сюжеты до сих пор рассматриваются как «бытовые народные сказки». Если в таком произведении акын Токтогул, Толубай сынычы, Жаныбек хан, Асан Кайгы, Кет Бука, Айхан и другие, изображенные в вышеупомянутых произведениях как главные герои, в реальной жизни являются историческими личностями, и если учесть, что произведения, изобразившие их находятся далеко от фольклорного мышления, то возникает необходимость отделить их, отнести к отдельному жанру, дать соответствующее название этим произведениям и определить их место в кыргызской литературе.

Действительно, хотя М. Ауэзов и не рассматривал эртегилер полностью отделяя их от произведений устного народного творчества, в своем исследовании «Салт эртегилери» он постарался показать их особенности и отличия от фольклора. Конечно, невозможно требовать от художественно-литературной концепции М. Ауэзова, жившего в эпоху тотального партийного давления, оценки этого литературного явления с современной высоты литературного творчества. Но невозможно не учитывать отмеченные в данном труде важные продуктивные для литературного сообщества мысли, не дать оценку их значимости для современности, поэтому необходимо остановиться на их положительных аспектах.

Значимость исследований М. Ауэзова об эртегилер то, что он отметил особенности и отличия их от устного народного творчества, объясняется тем, что они являются произведениями, основанными на реальной жизненной правде. Точнее, он анализируя «салт эртегилери», акцентировал особенности произведений, которые изображали былины, художественные образы феодальной эпохи и даже более древних времен. Он особо отмечает, что эти произведения не романтического фольклорного характера, а созданы на основе отражения настоящих жизненных трудностей, исторических событий, пройденных народом. Вместе с тем, он доказывает, что традиционные эртегилери являются самостоятельным творческим жанром и в них можно увидеть состояние общества до 60-х годов XIX века [1].

Ценность, казалось бы, такой незаметной на первый взгляд точки зрения в том, что М. Ауэзов рассматривал содержание данных произведений в связи с изображением реальной жизни своей эпохи, а не с абстрактными или романтическими явлениями времени. Если просто вдуматься, каждому без слов понятно, что молодой писатель-новичок не будет размышлять, как это передано в русской литературе, уподоблять им свои творения, а скорее обратится к способам и формам создания произведений, веками понятные и доступные простому народу. Поэтому не надо искать в других литературных истоках сердцевину прозаических произведений, созданных в начале XX века, а правильным научным мышлением может быть рассмотрение происхождения профессиональной письменной кыргызской прозы в связи со сформированными в кыргызском народе художественными прозаическими творениями.

Во-вторых, надо развивать мысли великого ученого М. Ауэзова в этом направлении. Конечно, между эпохой жизни ученого и современностью много особенностей и отличий, но актуальным научным исследованиям необходимы дополнения, уточнения тех предложений, которые были высказаны М. Ауэзовым. Таким образом, необходимо соотнести ценные научные высказывания ученого с

современным литературно-теоретическим уровнем. Только тогда можно дать правильную оценку и точные определения тем обстоятельствам, которые непосредственно повлияли на происхождение прозаических произведений кыргызской профессиональной письменной литературы.

Литература

1. *Ауэзов М.* Мысли разных лет. Алма-Ата, 1959, с. 213.
2. *Каскабасов С.* Казахская народная проза. Алма-Ата, Гылым, 1984.
3. *Кожин В.* Поэзия и проза. Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987, с. 283.